

DOI 10.21672/1818-510X-2020-65-4-022-029

**ПРОБЛЕМЫ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ
В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ В 1920-е гг.**

Мороз Антонина Иннокентьевна, доцент, кандидат исторических наук
Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета
Российская Федерация, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
E-mail: antonina_sazhina@mail.ru

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: rastaliev@gmail.com

Статья посвящена изучению проблем кампаний по ликвидации неграмотности взрослого населения, которые проводились в Восточном Забайкалье в 1920-е гг. Советская политика по повышению образовательного уровня взрослых трудоспособных рабочих и крестьян неоднократно становилась предметом исследования историков, социологов, педагогов, но при этом не утратила своего научного потенциала. В настоящее время активно изучаются особенности реализации этой политики в различных регионах нашей страны. Местный материал позволяет проследить проблемы практической деятельности образовательных учреждений для взрослого населения (ликпунктов и школ для малограмотных), среди которых дефицит материальных ресурсов, недостаток учителей (особенно в сельской местности), их низкая квалификация, которые оказывали негативное влияние на организацию учебных занятий. В рамках данной статьи автор обращает внимание на сравнительно слабо изученную проблему оттока обучаемого контингента из таких учреждений. Исторические источники свидетельствуют, что указанная проблема была очень острой и ставила под угрозу выполнение планов по ликвидации неграмотности. Взрослые ученики переставали посещать образовательные учреждения по самым разным причинам, но основной была слабая личная мотивация к обучению. Рассматриваются меры, к которым прибегало местное руководство, стремясь решить эту проблему (агитация и пропаганда в массах, негативные и позитивные санкции по отношению к контингенту ликпунктов и школ для малограмотных), оценивается их эффективность. Статья написана на основании неопубликованных и опубликованных документов из фондов Государственного архива Забайкальского края, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: история, Восточное Забайкалье, социальная политика, народное образование, ликвидация неграмотности

PROBLEMS OF ELIMINATION OF ILLITERACY IN THE EASTERN TRANSBAIKALYE IN 1920

Moroz Antonina I., Ph. D. (History), Associate Professor
Chita Institute (branch) of the Baikal State University
30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russian Federation
E-mail: antonina_sazhina@mail.ru

Aliev Rastyam T., Ph. D. (History), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: rastaliev@gmail.com

The article is devoted to the study of the problems of campaigns to eliminate illiteracy of the adult population, which were carried out in Eastern Transbaikalia in the 1920s. The Soviet policy of raising the educational level of adult able-bodied workers and peasants has repeatedly become the subject of research by historians, sociologists, teachers, but at the same time has not lost its scientific potential. Currently, the features of the implementation of this policy in various regions of our country are being actively studied. The local material makes it possible to trace the problems of the practical activities of educational institutions for the adult population (health centers and schools for the illiterate), among which are the lack of material resources, the lack of teachers (especially in rural areas), their low qualifications, which had a negative impact on the organization of training sessions. Within the framework of this article, the author draws attention to the relatively poorly studied problem of the outflow of the trained contingent from such institutions. Historical sources indicate that this problem was very acute and jeopardized the implementation of plans to eradicate illiteracy. Adult students stopped attending educational institutions for a variety of reasons, but the main one was weak personal motivation to learn. The author examines the measures that the local leadership resorted to in an effort to solve this problem (agitation and propaganda among the masses, negative and positive sanctions against the contingent of health centers and schools for the illiterate), and their effectiveness is assessed. The article was written on the basis of unpublished and published documents from the funds of the State Archives of the Trans-Baikal Territory, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: history, Eastern Transbaikalia, social policy, public education, elimination of illiteracy

Одним из направлений социальной политики советской власти была ликвидация массовой неграмотности взрослого населения [20]. Стране необходимо было в кратчайшие сроки осуществить переход от аграрной к индустриальной стадии развития [25, с. 67], но решить эту задачу без подготовленных кадров было невозможно. Поэтому уже через несколько дней после событий октября 1917 г. назначенный на должность народного комиссара по просвещению А. В. Луначарский объявил о необходимости коренного изменения системы народного образования, в которой важное место должна была занять школа для взрослых рабочих и крестьян [18, с. 8]. В 1918 г. такие школы были созданы [5, с. 293], а в декабре 1919 г. Советом народных комиссаров был подписан декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», в соответствии с которым обучение в них становилось обязанностью населения в возрасте от 16 до 50 лет.

Историография ликвидации неграмотности взрослых в СССР очень обширна. Так, в 1920–1930 гг. в работах Л. Л. Авербаха и Н. Белькович были обобщены результаты первых мероприятий большевиков по повышению образовательного уровня рабочих и крестьян [1; 2]. В 1940–1950 гг. увидели свет монографии А. М. Ивановой и М. П. Кима, в которых авторы давали высокую оценку достижениям государства и партии в этой области [7; 9]. Во второй половине XX века изучению вопроса посвятили свои труды С. А. Галин и П. И. Кабанов [3; 8]. Среди работ 1960–1970 гг. особо стоит отметить исследования В. А. Куманова – автора монографий «Революция и просвещение масс», «Социализм и всенародная грамотность» [11; 12].

Безусловно, работы советских авторов представляют собой значительный пласт исследований истории ликвидации неграмотности. Вместе с тем, большинство из них характеризуются всероссийским уровнем анализа и в той или иной степени (в зависимости от времени подготовки и публикации результатов исследования) страдают идеологизированностью. В основной массе советских трудов по теме отсутствует критический подход, сложно найти информацию о проблемах кампаний по обучению взрослых.

Это обстоятельство обусловило высокую востребованность темы у современных авторов. В настоящее время история ликвидации неграмотности взрослого населения в различных регионах нашей страны изучается целым рядом исследователей, которые вводят в научный оборот новые исторические источники, расширяют в своих работах проблемное поле темы. Среди них следует отметить А. Г. Горюнову, Л. В. Лебедеву, Я. И. Петрову, Е. В. Сартикову, которые изучили опыт центральных регионов [4; 13; 22; 23]. История ликвидации неграмотности взрослого населения в Иркутской области изучена Е. Г. Далегеоз [5; 6]. Особенности этого процесса на территории Бурятии посвящена работа В. В. Номогоевой [19]. Существенным достижением публикаций перечисленных авторов является их стремление к объективному исследованию ликвидации неграмотности в регионах, выделению ее достижений и проблем.

Данная статья является результатом деятельности автора по изучению мероприятий советской власти по ликвидации неграмотности взрослого населения в Восточном Забайкалье. Долгое время эта тема не была предметом отдельного исследования. Некоторым вопросам становления советской системы образования и просвещения уделяли внимание авторы обобщающих трудов по истории региона. Среди них А. В. Константинов и Н. Н. Константинова в книге «Забайкалье: ступени истории» [10], а также авторы коллективного труда «Очерки истории Забайкальского края» [21]. Есть также лаконичное упоминание о теме в «Энциклопедии Забайкалья». Автор Г. Г. Филиппов пишет: «...в послереволюционный период на территории Забайкальской губернии решается задача, определенная декретом СНК от 26.12.19 "О ликвидации безграмотности населения РСФСР". Следует отметить, что данная работа осуществлялась не только в школах, но и в избах-читальнях, библиотеках, клубах» [27, с. 221].

Слабая степень научной разработки темы формирует ее научный потенциал. В фондах Государственного архива Забайкальского края, в региональной периодической печати 1920-х гг. содержится массивный пласт источников по теме. Их изучение позволяет рассмотреть ход кампаний по ликвидации взрослого населения Восточного Забайкалья, выделить их особенности, оценить результаты. В рамках данной статьи автор обращает внимание на проблемы практической реализации этих кампаний. В частности, поднимается проблема слабой заинтересованности взрослого населения в обучении, его оттока из образовательных учреждений и влияния этого фактора на результат мероприятий советской власти по ликвидации неграмотности взрослого населения в регионе.

Как уже упоминалось, в РСФСР работа по обучению взрослого населения грамоте началась в 1919 г. Масштабность поставленной задачи обусловила объективные трудности ее выполнения. По данным Центрального статистического управления в 1920 г. в России на 1 000 человек в возрасте от 8 лет приходилось только 336 грамотных [24, с. 247]. Для обучения значительной массы неграмотных взрослых необходимо было подготовить помещения для занятий, учительские кадры, учебную литературу, канцелярские принадлежности. Но у страны, находящейся в состоянии гражданской войны и противостоящей иностранной интервенции, таких ресурсов (как материальных, так и кадровых) не было. В связи с этим на первый план начала выходить идея о первоочередном обучении населения в возрасте от 18 до 30 лет – именно этим взрослым трудоспособным рабочим и крестьянам была отведена роль сознательных строителей нового, социалистического государства.

Этот вопрос был рассмотрен в рамках деятельности II Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности в 1923 г. и получил одобрение его участников. Практическим результатом этого стало создание плана полного обучения указанного контингента к десятилетию Октябрьской революции [28, с. 85–86]. Предполагалось, что успешное выполнение поставленной задачи будет ярким свидетельством

достижений большевиков и мощным аргументом в пользу советской образовательной политики. В августе того же года эта задача получила свое закрепление в декрете Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров «О ликвидации неграмотности».

В Восточном Забайкалье первые мероприятия по ликвидации неграмотности взрослого населения начались позднее. Большая организационная работа (открытие школ и мобилизация учительства) была проделана в условиях Дальневосточной республики в 1920–1922 гг. [14; 17]. Однако объективные сложности внешне- и внутриполитического характера не позволяли сделать обучение взрослых массовым и систематическим.

Только после присоединения территории республики к РСФСР для этого сложились сравнительно благоприятные условия. Так, уже в конце 1922 г. была запланирована кампания по обучению неграмотных членов забайкальских ячеек партии и комсомола. По данным Забайкальского губернского комитета РКП (б) обучить предстояло около 2 000 человек¹. Для этого были подготовлены помещения на базе школ I и II ступеней, выделены средства на оплату труда учителей². Однако работа существенно осложнялась недостатком материальных ресурсов, отсутствием необходимых методических и дидактических материалов, канцелярских принадлежностей. Большую сложность представляло также непонимание частью учителей (особенно молодых и неопытных) специфики работы с взрослым населением. Все это привело к тому, что результаты кампании оказались незначительными³. Поэтому перед началом второй волны мероприятий по ликвидации неграмотности среди забайкальских партийцев и комсомольцев, которая была запланирована на осень 1923 г., была проведена большая подготовительная работа. Отправлены на места инструкции по организации школ для взрослых и учебные программы, закуплены учебники и канцелярские принадлежности (бумага, карандаши), проведена работа с педагогами. В результате на территории губернии удалось организовать работу 231 ликпункта и 44 школ для малограмотных⁴. В них должны были пройти обучение неграмотные члены забайкальских ячеек партии и комсомола.

Открытие этих учреждений сопровождалось большой агитационной кампанией. Однако уже через несколько месяцев обозначилась важная проблема – низкая посещаемость и отток обучающихся. Яркой иллюстрацией этого является заметка в газете «Забайкальский крестьянин», рассказывающая о ходе ликвидации неграмотности среди членов коммунистической ячейки села Б. Соктуй: «Ничего не предпринимала наша ячейка для своего образования. Все сидели по своим углам и редко собирались, чтобы покалякать. Приехал инструктор и все зажило, было собрание, инструктор рассказал, что творится на свете и объяснил, что если при царе можно было век неграмотным прожить, то теперь без грамоты шагу нельзя ступить. Почесали наши коммунисты затылки и вынесли постановление всем во что бы то ни стало в спешном порядке выучиться грамоте. За три рубля наняли для этого учителя, который с жаром принялся за дело. Собрались раз, собрались два и больше их вот уже два месяца не видно»⁵.

В отчетах Забайкальского губернского отдела народного образования отмечалось, что большинство ликпунктов и школ в 1923–1924 учебном году посещало от 7 до 12 человек (при норме в 25)⁶. Низкая посещаемость занятий сразу привлекла к себе внимание партийного руководства. Были проведены обследования образовательных учреждений для взрослых с целью выяснения причин этого явления. Материалы таких обследований свидетельствуют, что записанные в ликпункты и школы взрослые ученики переставали посещать учебные занятия, ссылаясь как на индивидуальные характеристики (преклонный возраст, невосприимчивость к обучению, состояние здоровья), так и на экономические факторы (неурожай 1923 г., необходимость совмещения обучения с трудовой деятельностью). В результате в документах встречаются следующие выводы: «вопрос об укомплектовании ликпунктов стоит очень остро, не только беспартийными, но и членами партии», «в отношении ликвидации малограмотности дело обстоит еще хуже, так как здесь чрезвычайно трудно заставить ликвидировать»⁷.

Возникшая проблема обсуждалась на партийных и комсомольских собраниях. Например, Сретенским уездным комитетом РКП (б) был выпущен циркуляр «О ликвидации неграмотности» с призывом: «Нужно принять все меры к разъяснению ячейкам всей необходимости выполнить заветы нашего ИЛЬИЧА – ликвидировать азбучную неграмотность к десятой годовщине Октябрьской революции!»⁸. Но помимо обсуждений, руководство партийных и комсомольских ячеек прибегало к нажиму и принуждению своих членов к обучению под угрозой исключения из их состава. Так, в материалах Государственного архива Забайкальского края отложилось решение Онон-Борзинской коммунистической ячейки об исключении

¹ Борьба с неграмотностью // Забайкальский крестьянин. 1923. 25 февраля (№ 57). С. 1.

² Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-81. Оп. 1. Д. 620. Л. 1, 16–17.

³ Ликвидация неграмотности в Забайкальской губернии // Забайкальский рабочий. 1925. № 175. С. 3.

⁴ ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 198. Л. 10.

⁵ Без грамоты, как без глаз // Забайкальский крестьянин. 1923. 29 апреля (№ 66). С. 3.

⁶ ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 31. Л. 54.

⁷ ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 695. Л. 39 об. – 40 об.

⁸ ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 662. Л. 22.

из рядов РКП (б) Василия Ефимовича и Михаила Ефимовича Герасимовых по причине их отказа от участия в мероприятиях по ликвидации неграмотности¹.

Благодаря этому в течение учебного года в целом удалось исправить ситуацию с посещением ликпунктов и школ для малограмотных. Более того, сеть учреждений была расширена. Всего в них прошло обучение 3 334 неграмотных и 826 малограмотных взрослых². Благодаря этому в 1924 г. Забайкальский губернский комитет РКП (б) смог констатировать, что «азбучная неграмотность среди членов РКП (б) и РКСМ [в Забайкальской губернии] ликвидирована на 100 %»³.

Успешное выполнение задачи по обучению местных членов партии и комсомола позволило перейти к обучению «неорганизованного» населения с начала 1924–1925 учебного года. За это время предполагалось обучить 10 830 неграмотных и 3 180 малограмотных взрослых⁴. Расширение масштаба работы требовало преодоления ранее выявившихся проблем в работе учреждений для взрослых. Прежде всего, необходимо повысить квалификацию учителей, которая была очень низкой. Этому способствовала деятельность образованного летом 1924 г. в Чите методического совещания по ликвидации неграмотности и краткосрочных педагогических курсов. Кроме того, в сети ликпунктов и школ для малограмотных были созданы опорно-инструктивные учреждения, сотрудники которых проводили открытые занятия и обучающие мероприятия для учителя⁵.

Повышения интереса населения к обучению планировалось добиться с помощью масштабных агитационных мероприятий. Значительную роль сыграли в них члены созданного весной 1924 г. Забайкальского губернского отделения добровольного общества «Долой неграмотность!». В соответствии с Уставом и планом работы, принятыми на первом заседании организации от 15 мая, к основным задачам ее членов относились пропаганда идей общества, привлечение новых участников в его ряды и изыскание средств на ликвидацию неграмотности путем устройства массовых мероприятий⁶. Осенью члены общества организовали пятидневник «Помощи ОДН», неделю «Борьбы с неграмотностью» и приняли участие в месячнике «Ликвидации неграмотности в деревне». В их рамках состоялись открытые собрания ячеек общества, бесплатные лекции и доклады на соответствующую тематику, платные выставки и спектакли, а также продажи значков⁷.

К сожалению, полностью преодолеть проблему посещаемости действующих учреждений не удалось. Свидетельствуют об этом статистические сведения из отчетов Забайкальского губернского отдела народного образования за 1924 г. (см. табл.).

Таблица

Сведения о контингенте ликпунктов и школ для малограмотных Забайкальской губернии в 1924–1925 учебном году⁸

	Записано в начале года, чел.	Продолжили обучение, чел. / %	Завершили обучение, чел. / %
Неграмотные	12 218	9 338 / 76	7 145 / 58
Малограмотные	3 180	2 695 / 84	1 658 / 52
Всего	15 398	9 603 / 62	8 803 / 57

Отток обучающихся из ликпунктов и школ для малограмотных оставался достаточно интенсивным. Удавалось сохранить чуть более половины контингента. Среди причин такого явления следует отметить недостаток финансирования работы. Бюджет Забайкальской губернии был очень ограниченным, многие из учреждений для взрослых находились в очень тяжелых условиях – не хватало средств на отопление, освещение, мебель, учебники и т. д. Ситуация усугубилась в феврале 1925 г., когда в связи с эпидемией скарлатины в Чите ликпункты и школы малограмотности были выведены из помещений общеобразовательных школ и были вынуждены продолжать работу в стенах клубов и изб-читален⁹.

Это самым негативным образом сказалось на обучении взрослых. Многие просветительные учреждения не могли предоставить отдельных комнат для учебных занятий взрослых. Так, ликпункт при клубе им. А. В. Луначарского в Чите разместили в проходном помещении с голыми стенами, плохо отапливаемом и слабо освещенном, в котором отсутствовали даже столы и стулья. Занятия в нем часто прерывались из-за мороза, отсутствия керосина и не посещаемости учащихся¹⁰.

¹ ГАЗК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 129. Л. 106.

² ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 31. Л. 54.

³ ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 695. Л. 87.

⁴ ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 112. Л. 45.

⁵ ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 69. Л. 46; Ликвидация неграмотности в Забайкальской губернии // Забайкальский рабочий. 1925. 8 января (№ 6). С. 3.

⁶ ГАЗК. Р-1448. Оп. 1. Д. 155. Л. 12, 30.

⁷ ГАЗК. Р-1448. Оп. 1. Д. 155. Л. 39, 40; Штурм на третий фронт // Забайкальский рабочий. 1924. 22 октября (№ 113). С. 3.

⁸ Составлено по: ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 69. Л. 45; ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 198. Л. 15 об.

⁹ Дайте помещения! // Забайкальский рабочий. 1925. 27 февраля (№ 28). С. 6.

¹⁰ ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 235. Л. 190–191.

Еще одной причиной было низкое качество образовательного процесса в ликпунктах и школах для малограмотных. Его повышению мешал слабый уровень подготовки учителя [6]. Кроме того, негативно сказывались на ситуации большая нагрузка и недостаточное материальное вознаграждение учителей за обучение неграмотных и малограмотных [15; 24]. Они не могли отказаться от этой работы, но и не проявляли к ней особого энтузиазма. Результатом этого были плохо организованные и подготовленные уроки, не вызывавшие у взрослых учеников желания тратить на них свое свободное время.

Попытка решить проблему посещаемости ликпунктов и школ для малограмотных с помощью нажима и принуждения в случае с «неорганизованным» населением не дала эффекта. Так, опыт Сретенского уездного отдела народного образования, который практиковал угрозы штрафами и общественными работами уклоняющимся от обучения, показал, что такие меры «создавали недоброжелательное отношение к ликвидации неграмотности в массах»¹.

Поэтому на смену им пришли методы морального и материального поощрения контингента ликпунктов и школ для малограмотных. Так, образовательные учреждения Читы и губернии осуществляли торжественные выпуски обученных и награждали наиболее отличившихся из них памятными подарками (газетами, книгами). Интересен также опыт популяризации деятельности ликпункта г. Петровский Завод, который в декабре 1925 г. провел «День грамоты» – однодневник, посвященный шестилетию декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Вот что писала о мероприятии газета «Забайкальский рабочий»: «В клубе была устроена выставка с литературой по ликнеграмотности, лозунгами и тетрадями учеников. Была выпущена стенгазета, подготовленная самими учениками. Заведующим школой был сделан доклад, в котором было обрисовано положение дела ликвидации неграмотности в уезде и указаны дальнейшие задачи в этой отрасли. Потом были сделаны коротенькие доклады самими учениками. Несколько инсценировок, декламаций и коллективное пение закончили вечер»².

Решение проблемы приобретало огромную важность в связи с тем, что в 1925 г. Дальневосточным отделом народного образования был разработан план поголовного обучения неграмотных в возрасте от 18 до 35 лет в Приморской, Амурской и Забайкальской губерниях к десятилетию Октябрьской революции³. Новая кампания ставила масштабные цели. Только в Забайкальской губернии необходимо было обучить 30 040 неграмотных в 1925–1926 учебном году и 49 599 неграмотных в 1926–1927 учебном году (включая недоучившихся ранее). При этом средств на ее реализацию было недостаточно. Только 13 % расходов были обеспечены из государственного бюджета, а 87 % ложились на местные бюджеты. При условии сохранения проблемы с помещениями образовательных учреждений для взрослых и их посещаемостью, заявленный план был трудновыполним. В связи с этим была усилена работа по привлечению взрослых в ликпункты и школы для малограмотных. Также к работе было решено привлечь советскую общественность путем организации так называемого индивидуально-группового обучения неграмотных и малограмотных. Суть его заключалась в том, что любой сознательный «грамотный товарищ» мог организовать ячейку в составе двух-трех неграмотных и начать их обучение на добровольных началах [16, с. 200]. В январе 1926 г. обращение Городского совета рабочих и красноармейских депутатов к населению с этим предложением было напечатано на страницах газеты «Забайкальский рабочий»⁴.

В агитацию за грамоту активно включилась местная периодическая печать. Например, газета «Забайкальский рабочий» регулярно публиковала статьи и заметки о плановых показателях и ходе работы по ликвидации неграмотности, о необходимости полной победы над неграмотностью к октябрю 1927 г. Кроме того, на страницах газеты размещались истории об успешно завершивших обучение взрослых, которые в результате ликвидации неграмотности сумели изменить свой социальный статус. Так, в одном из номеров популяризировался опыт работниц Детского дома г. Читы сторожа Саранчиной и прачки Чубуниной. Обе они прошли обучение на ликпунктах и в школах для малограмотных, начали принимать участие в общественной жизни. Благодаря этому, Саранчина была выбрана женделегаткой на I Читинский окружной съезд профсоюзов, где «неоднократно выступала», а Чубунина стала членом правления Окружного отдела Союза работников просвещения⁵.

В другом номере была помещена история о том, как повлияло обучение грамоте на дальнейшую жизнь жителя разъезда Харагун Степана Федоровича Житникова. После ликвидации своей неграмотности и малограмотности он начал принимать активное участие в общественно-политической работе, был назначен на должность заведующего местным «красным уголком» и вошел в состав сельсовета. «Равняйтесь по Житникову, – писал автор письма, – заряжайтесь таким же стремлением выбраться из темноты!». Здесь же было напечатано обращение самого Степана Федоровича, который написал: «Товариш я ходил в школу малограмотных и научился писать и читать мои возраст 36 лет зовут меня Степан Федорович Житников»⁶.

¹ В борьбе за грамотность // Забайкальский рабочий. 1925. 22 июля (№ 165). С. 5.

² Провели День грамоты // Забайкальский рабочий. 1926. 21 января (№ 17). С. 2.

³ ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 235. Л. 76–88.

⁴ За грамоту // Забайкальский рабочий. 1926. 9 января (№ 7). С. 5.

⁵ Октябрь открыл дорогу // Забайкальский рабочий. 1926. 7 ноября (№ 256). С. 10.

⁶ Выполняем заветы Ильича // Забайкальский рабочий. 1926. 28 ноября (№ 273). С. 5.

Однако на практике индивидуально-групповое обучение не только не решило старых проблем, но и породило новые. Число обучающихся «групповодов», пополнялось в основном молодежью из рядов комсомола, общества «Долой неграмотность!», не имеющих никакого опыта работы. Обучение осуществлялось самыми примитивными методами, без каких-либо программ, по учебникам для общеобразовательных школ I ступени, журналам и газетам. Кроме того, молодой возраст обучающихся привлекал и соответствующий контингент. В условиях отсутствия в регионе системы всеобщего обучения вокруг ликпунктов, школ для малограмотных и ячеек индивидуально-группового обучения концентрировались дети, подростки и молодежь. Так, по данным Забайкальского губернского отдела народного образования, в 1925–1926 учебном году массовым был приток в действующие учреждения ребят в возрасте от 12 до 16 лет¹. Это обстоятельство оказывало самое негативное влияние на ликвидацию неграмотности взрослых, которые не желали сидеть за одной партой с детьми и подростками.

Поэтому уже в 1926 г. в отчете Забайкальского губернского отдела народного образования отмечалось: «крестьянство еще не осознало важности вопроса и вступая в ликпункты в сравнительно большом количестве, дает утечку в середине курса примерно в 55 %». В том же отчете был сделан неутешительный вывод: «с указанной задачей мы справиться не можем». В связи с этим местное руководство просило вышестоящие органы изменить сроки кампании и продлить ее до 1933 г. – года десятой годовщины установления советской власти в Восточном Забайкалье².

Таким образом, на основании изученных материалов можно сделать ряд важных выводов. Советская политика ликвидации неграмотности взрослого населения имела большое значение – впервые на государственном уровне был поднят этот вопрос. Усилиями Народного комиссариата по просвещению РСФСР были созданы условия для обучения взрослых рабочих и крестьян в государственных школах. Однако, решая материальные, кадровые и методические сложности, руководство не приняло во внимание возможность возникновения социально-психологических сложностей. Далеко не все из подлежащих обучению имели желание или возможность уделять этому процессу свое свободное время и силы. В связи с этим, низкой была посещаемость ликпунктов и школ для малограмотных.

Ярким примером является Восточное Забайкалье, где выполнение задачи по полному обучению населения в возрасте от 18 до 35 лет к десятилетию Октябрьской революции не было достигнуто. Трудности проводимых кампаний были обусловлены более поздним (по сравнению с центральными регионами страны) началом работы по ликвидации неграмотности и малограмотности, недостатком необходимых материальных ресурсов, квалифицированных педагогов и нежеланием значительной части взрослого населения принимать участие в соответствующих мероприятиях.

Применение мер разъяснительного, принудительного и поощрительного характера давало результаты только в отдельных случаях, но не могло оказать влияния на общую низкую мотивацию взрослых к обучению. На наш взгляд, именно недооценка этого фактора привела к невыполнению плановых показателей первых кампаний по ликвидации неграмотности и малограмотности в регионе. Однако нельзя однозначно назвать этот факт региональным провалом. Срыв планов не сопровождался отказом от ранее поставленных целей, а первые кампании по ликвидации неграмотности позволили не только обучить несколько тысяч неграмотных и малограмотных взрослых рабочих и крестьян, но и накопить организационный, методический опыт, на основании которого работа продолжилась в дальнейшем.

Список литературы

1. Авербах, Л. Л. На путях культурной революции / Л. Л. Авербах. – Москва : ГИЗ, 1929. – 219 с.
2. Белькович, Н. Социально-культурное строительство в СССР / Н. Белькович. – Москва : Государственное изд-во, 1938. – 36 с.
3. Галин, С. А. Ленин о культурной революции / С. А. Галин. – Москва : Политиздат, 1980. – 96 с.
4. Горюнова, А. Г. Общество «Долой неграмотность» в губерниях Верхнего Поволжья: организационный этап деятельности (1923–1924 гг.) / А. Г. Горюнова // Вопросы истории. – 2012. – № 1. – С. 187–189.
5. Далегеоз, Е. Г. Ликвидация безграмотности в Иркутской области (1937–1953 гг.) / Е. Г. Далегеоз // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2009. – С. 293–296.
6. Далегеоз, Е. Г. Педагогические кадры в 1930–1940 гг. (на примере Иркутской области) / Е. Г. Далегеоз // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2007. – С. 236–240.
7. Иванова, А. М. Что сделала Советская власть по ликвидации неграмотности среди взрослых / А. М. Иванова. – Москва : Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949. – 96 с.
8. Кабанов, П. И. История культурной революции в СССР. Краткий очерк / П. И. Кабанов. – Москва : Высшая школа, 1971. – 271 с.
9. Ким, М. П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР / М. П. Ким. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 340 с.
10. Константинов, А. В. Забайкалье: ступени истории (1917–1922 годы) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. – Чита : Экспресс-изд-во, 2009. – 192 с.

¹ ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 198. Л. 8.

² ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 1. Д. 198. Л. 11–12.

11. Куманев, В. А. Революция и просвещение масс / В. А. Куманев. – Москва : Наука, 1973. – 335 с.
12. Куманев, В. А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР / В. А. Куманев. – Москва : Наука, 1967. – 328 с.
13. Лебедева, Л. В. Проблемы ликвидации неграмотности крестьян в первое десятилетие советской власти / Л. В. Лебедева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 776–778.
14. Мороз, А. И. Деятельность Внешкольного отдела Министерства Народного Просвещения ДВР (1920–1922 гг.) / А. И. Мороз // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 47–54.
15. Мороз, А. И. Забайкальское учительство в кампаниях по ликвидации неграмотности 1922–1927 гг. (по материалам Государственных архивов Забайкальского и Хабаровского краев) / А. И. Мороз // Документ. Архив. Информационное общество. – Москва : ТЕРМИКА.РУ, 2018. – С. 182–188.
16. Мороз, А. И. Ликвидация неграмотности в Забайкалье в 1923–1927 гг. / А. И. Мороз // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2013. – Т. 2, № 4 (14). – С. 195–202.
17. Мороз, А. И. Ликвидация неграмотности в Забайкалье в условиях ДВР (1920–1922 гг.) / А. И. Мороз // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 10 (89). – С. 12–16.
18. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 / А. А. Абакумов, Н. П. Кузин и др. – Москва : Педагогика, 1974. – 560 с.
19. Номогоева, В. В. Образование и просвещение в национальных республиках в 1920 гг. (на примере Бурятии) / В. В. Номогоева // Федерализм. – 2010. – № 3. – С. 161–168.
20. Орлова, И. В. Попытки модернизации образования в 1920 г. / И. В. Орлова // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2011. – С. 371–377.
21. Очерки истории Забайкальского края : в 2 т. / Н. В. Гордеев и др. – Т. 1–2. – Чита : Экспресс-изд-во, 2009. – 439 с.
22. Петрова, Я. И. Ликбез как социальный проект (на материалах Самарской губернии, 1920–1930 гг.) / Я. И. Петрова // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – Т. 5, № 4. – С. 519–540.
23. Сартикова, Е. В. Кампании по ликвидации неграмотности калмыцкого народа и их результаты / Е. В. Сартикова // Культурная жизнь юга России. – 2008. – № 4. – С. 71–76.
24. Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. : в 2 ч. / Дальневосточное краевое статистическое управление. – Ч. 1: Очерки культурного и экономического состояния Дальневосточного края. – Хабаровск : Тихоокеанская звезда, 1926. – 270 с.
25. Цыкунов, Г. А. Реформы в российской истории / Г. А. Цыкунов // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2006. – С. 64–70.
26. Цынедешиева, О. Д.-Н. Материально-правовое положение сельского учительства Иркутской губернии в годы НЭПа / О. Д.-Н. Цынедешиева // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2008. – С. 370–374.
27. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область : в 4 т. / СО РАН, Читинский институт природных ресурсов ; гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. – Т. 1: Общий очерк. – Новосибирск : Наука, 2000. – 301 с.
28. Эрдэ, Д. И. Ленин и неграмотность / Д. И. Эрдэ. – Харьков : Пролетарий, 1925. – 104 с.

References

1. Averbah L. L. *Na putyah kulturnoj revolyucii* [On the paths of the cultural revolution]. Moscow, GIZ Publ., 1929, 219 p.
2. Belkovich, N. *Socialno-kulturnoe stroitelstvo v SSSR* [Social and cultural construction in the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo, 1938, 36 p.
3. Galin, S. A. Lenin o kulturnoj revolyucii [Lenin on the cultural revolution]. Moscow, Politizdat Publ., 1980, 96 p.
4. Goryunova, A. G. Obshchestvo "Dolozh negramotnost" v guberniyah Verhnego Povolzhya: organizacionnyj etap deyatel'nosti (1923–1924 gg) [Society "Down with illiteracy" in the provinces of the Upper Volga region: the organizational stage of activity (1923–1924)]. *Voprosy istorii*, 2012, no. 1, pp. 187–189.
5. Dalegeoz, E. G. Likvidaciya bezgramotnosti v Irkutskoj oblasti (1937–1953 gg.) [Elimination of illiteracy in the Irkutsk region (1937–1953)]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*, 2009, pp. 293–296.
6. Delegeoz, E. G. Pedagogicheskie kadry v 1930–1940 gg. (naprimerelr-kutskoj oblasti) [Pedagogical staff in 1930–1940. (on the example of the Irkutsk region)]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*, 2007, pp. 236–240.
7. Ivanova, A. M. Chto sdelala Sovetskaya vlast polikvidacii negramotnosti sredi vzroslyh [What did the Soviet government do to eliminate illiteracy among adults]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1949, 96 p.
8. Kabanov, P. I. *Istoriya kulturnoj revolyucii v SSSR. Kratkij ocherk* [History of the cultural revolution in the USSR. Brief sketch]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971, 271 p.
9. Kim, M. P. *Kommunisticheskaya partiya – organizator kulturnoj revolyucii v SSSR* [Communist Party – the organizer of the cultural revolution in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, 340 p.
10. Konstantinov, A. V., Konstantinova, N. N. *Zabajkale: stupeniistorii (1917–1922 gody)* [Transbaikalia: stages of history (1917–1922)]. Chita, Ekspress-izd-vo Publ., 2009, 192 p.
11. Kumanev, V. A. *Revoljuciya i prosveshchenie mass* [Revolution and education of the masses]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 335 p.
12. Kumanev, V. A. *Socializm i vsenarodnaya gramotnost. Likvidaciya massovoj negramotnosti v SSSR* [Socialism and national literacy. Elimination of mass illiteracy in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 328 p.

13. Lebedeva, L. V. Problemy likvidacii negramotnosti krestyan v pervoe desyatiletie sovetsoj vlasti [Problems of liquidation of illiteracy among peasants in the first decade of Soviet power]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 776–778.
14. Moroz, A. I. Deyatel'nost' Vneshkol'nogo otdela Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya DVR (1920–1922 gg.) [Activity of the Out-of-School Department of the Ministry of Public Education of the Far East Republic (1920–1922)]. *Gumanitarnyj vector*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 47–54.
15. Moroz, A. I. Zabajkalskoe uchitel'stvo v kampaniyah po likvidacii negramotnosti 1922–1927 gg. (po materialam Gosudarstvennykh arhivov Zabajkalskogo i Habarovskogo kraev) [Transbaikalian teachers in the campaigns to eliminate illiteracy in 1922–1927. (based on materials from the State Archives of the Trans-Baikal and Khabarovsk Territories)]. *Dokument. Arhiv. Informacionnoe obshchestvo*. Moscow, TERMIKA.RU Publ., 2018, pp. 182–188.
16. Moroz, A. I. Likvidaciya negramotnosti v Zabajkale v 1923–1927 gg. [Elimination of illiteracy in Transbaikalia in 1923–1927]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2013, vol. 2, no. 4 (14), pp. 195–202.
17. Moroz, A. I. Likvidaciya negramotnosti v Zabajkale v usloviyah DVR (1920–1922 gg.) [Elimination of illiteracy in Transbaikalia in the conditions of the Far Eastern Republic (1920–1922)]. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 10 (89), pp. 12–16.
18. Abakumov, A. A., Kuzin, N. P. et al. *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973* [Public education in the USSR. Comprehensive school. Collection of documents. 1917–1973]. Moscow, Pedagogika Publ., 1974, 560 p.
19. Nomogoeva, V. V. Obrazovanie i prosveshchenie v nacionalnykh respublikah v 1920 gg. (naprimere Buryatii) [Education and enlightenment in national republics in 1920. (on the example of Buryatia)]. *Federalizm*, 2010, no. 3, pp. 161–168.
20. Orlova, I. V. Popytki modernizacii obrazovaniya v 1920 g. [Attempts to modernize education in 1920]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*, 2011, pp. 371–377.
21. Gordeev, N. V. et al. *Ocherki istorii Zabajkalskogo kraja: v 2 t.* [Essays on the history of the Trans-Baikal Territory: in 2 vol.]. Chita, Ekspres-izd-vo Publ., 2009, vol. 1–2, 439 p.
22. Petrova, Ya. I. Likbez kak socialnyj proekt (namaterialah Samar-skoj gubernii, 1920–1930 gg.) [Educational program as a social project (based on materials from the Samara province, 1920–1930)]. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki*, 2007, vol. 5, no. 4, pp. 519–540.
23. Sartikova, E. V. Kampanii po likvidacii negramotnosti kalmyckogo naroda i ih rezultaty [Campaigns to eradicate the illiteracy of the Kalmyk people and their results]. *Kulturnaya zhizn yuga Rossii*, 2008, no. 4, pp. 71–76.
24. Statisticheskij ezhegodnik. 1923–1925 gg.: v 2 ch. [Statistical Yearbook. 1923–1925 : in 2 parts]. Khabarovsk, Tihookeanskaya zvezda Publ., 1926, part 1, 270 p.
25. Tsykunov, G. A. Reformy v rossijskoj istorii [Reforms in Russian history]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*, 2006, pp. 64–70.
26. Tsynedeshieva, O. D.-N. Materialno-pravovoe polozhenie selskogo uchitel'stva Irkutskoj gubernii v gody NEPa [Material and legal status of the rural teachers of the Irkutsk province during the NEP]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*, 2008, pp. 370–374.
27. Enciklopediya Zabajkalya: Chitinskaya oblast: v 4 t. [Encyclopedia of Transbaikalia: Chita Region: in 4 vol.]. Ed. by R. F. Geniatulin. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, vol. 1, 301 p.
28. Erde, D. I. Lenin i negramotnost [Lenin and illiteracy]. Kharkov, Proletarij Publ., 1925, 104 p.